

В.И.Кулаков

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ПОЛОСЫ В ИСКУССТВЕ НАСЕЛЕНИЯ ЯНТАРНОГО БЕРЕГА В I—XIV ВВ.

Одна из важнейших составляющих культуры древнего населения юго-восточной Балтии — декоративное искусство — остаётся по сей день археологами и искусствоведами наименее изученной. Проведённый в статье анализ орнаментальных полос в искусстве эстив и пруссов позволил сделать следующие выводы: а) непрерывные орнаментальные полосы появляются на керамике населения Самбии в раннем железном веке. Будучи представленными на погребальной керамике, эти полосы обладали функцией мистических оберегов, существовавших на прусских сосудах до VI в. н.э.; б) вторым вариантом непрерывных декоративных полос в искусстве эстив и пруссов являлись пояса. Охранительное значение данных непрерывных полос орнаментов несомненно и сохраняется в исторической Пруссии вплоть до Нового времени; в) непрерывный характер костяных накладок на луки прусских сёдел X—XI вв. проблематичен. Однако солярный и косицеобразный формы декора, представленного на данных накладках, вполне возможно, выполняли охранные функции. Непрерывные орнаментальные полосы, реализованные на керамике и поясах эстив римского времени и на поясах раннесредневековых пруссов, по замыслу их изготовителей должны были осуществлять замкнутую мистическую защиту своих владельцев.

Ключевые слова: Балтия, эстии, пруссы, декоративное искусство

Одна из важнейших составляющих культуры древнего населения юго-восточной Балтии — декоративное искусство — остаётся по сей день наименее изученной. К сожалению, никого, кроме автора этих строк, проблемы древнего искусства западных балтов не привлекали. Более двух десятилетий тому назад автор этих строк типологизировал основной вид декора эстив — замкнутую орнаментальную полосу [1, с. 251], представленную на погребальных сосудах римского времени — следующим образом:

Блок I. Тип 1: полосы, составленные из зигзагообразных линий (вар. 1) и из заштрихованных треугольников (вар. 2).

Тип 2 — полосы, составленные из косых крестов (X-образные фигуры) (вар. 1) и из косых крестов, разделённых вертикальными полосками (вар. 2).

Блок II — композиции из косых крестов [2, с. 94, 95].

Если в раннем железном веке орнаментальная полоса была предназначена для обзора сверху и представляла собой фигуру с несколькими вершинами (**рис. 1**), то в начале нашей эры западнобалтские керамисты стали ориентировать своих заказчиков на обзор орнаментальных полос (дискретный комплекс — ДК) [1, с. 250] на сосудах со стороны [2, с. 94]. На завершающей фазе римской эпохи переселенцы с западных берегов Балтики приносят на Янтарный берег традицию изображения на орнаментальных полосах, украшавших плечо сосуда, фигур в виде косых крестов [2, с. 95].

Минимально дробные части декора — атомарные составляющие (АС) в орнаменте блока II представлены фигурами в виде косоугольного креста. Они интерпретируются как известные у германцев римского времени «познавательные знаки» (нем. Begriffzeichnen), имеющие культовое значение и служившие оберегами. Позднее такие знаки вошли в состав раннего рунического футарка [1, с. 251, 252].

Меандровый орнамент на сосуде-прототипе «кружок типа Wickau» из могильника Corjeiten явно вторичен и не удался местному керамисту (**рис. 1**), который пытался по неизвестной причине скопировать декор с какого-то пшеворского керамического сосуда. Напротив, гомогенные по своему происхождению орнаментальные полосы, заполненные зигзагами и треугольниками, выполнены местными мастерами путём вдавливания в непросохшей до конца глине вполне качественно, с соблюдением необходимых норм симметрии (**рис. 2**).

Хронологический характер орнаментальных полос блоков I и II показан в типологическом ряде сосудов типа Dollkeim, начинающемся с сосудов, сохранявших в I в. н.э. керамические традиции раннего железного века (**рис. 3, 1-4**) и завершающемся на сосудах-приставках с конструктивно сложным декором позднеримского времени (**рис. 3, 15-23**). На всём протяжении существования данных орнаментальных полос не вызывает сомнения их культовое значение. Непрерывный декор являлся оберегом для содержимого сосудов (останки кремированного персонажа или же ритуальная пища).

Кроме исполненных на керамических сосудах непрерывных орнаментальных полос в древностях эстив в позднеримское время и на начальной фазе эпохи Великого переселения народов имеются образцы таких же по принципам композиции непрерывных полос, украшавших устья питьевых рогов. Как правило, они декорировались при помощи басменных оттисков одного или двух штампов, первоначально — исключительно кольцевидной формы (**рис. 4**) [3, с. 132]. Эта техника, имитирующая сложные композиции из паяных деталей, была воспринята в начале нашей эры западнобалтскими мастерами из арсенала приёмов провинциально-римских ювелиров [4, с. 105]. На серебряных и бронзовых оковках питьевых рогов балтских знатных воинов кольцевидные фигуры выступают как единственный декоративный элемент (**рис. 5, 1, 2**), так и в сочетании с

косыми крестами и балюстрадавидными фигурами типа *Kegelkönig*¹ (рис. 5, 3). В эпоху Великого переселения народов (точнее — в VII в.) кольцевидные фигуры воспроизводятся лишь на непрерывных по своему характеру орнаментальных полосах на накладках ножен саксов [5, Abb. 2,3]. Эти накладки декорировали ножны с двух сторон. Если полосы, составленные из кольцевидных фигур, можно лишь гипотетически связать с оберегами астрального характера, то многократно оттиснутые на накладках рогов фигуры типа *Kegelkönig* и восходящие к скандинавским образцам изображения различных животных несомненно имеют сакральную функцию оберегов, воспроизводя дубину — волшебное оружие Бога-Громовника и посвящённых ему жертвенных животных [3, с. 133-135]. Примечателен факт изображения на обкладках рогов многократно повторенных косых крестов (рис. 5, 3,6), которые также несут сакральную окраску.

В конце VII в. в результате длительных контактов со скандинавским этно-культурным субстратом, проникшем на Самбию, прусские мастера используют в орнаменте обкладок питьевых рогов плетёный орнамент (рис. 6), не имеющий аналогов в арсенале балтского декоративного искусства. Семантика этого декора, вероятно, призвана отображать диалектику окружавшего скандинавов мира.

На завершающем этапе эпохи викингов прусские мастера, продолжая традицию заимствования скандинавских образцов декора, орнаментируют плакированные серебром втулки копий пламевидным орнаментом (рис. 7). Этот декор реплицируется в виду непрерывной орнаментальной полосы и является местной версией скандинавских изображений в стиле *Ringerike* [6, p. 113; 7, с. 250], его семантическое значение пока не ясно. Известный литовский оружейвед Витаутас Казакявичюс относил такой орнамент к типу 3 своей типологии и называл «полосатый сотканый» [6, p. 113].

Для развитой фазы эпохи викингов (X — нач. XI вв.) прусское декоративное искусство известно нам преимущественно по резным костяным накладкам на седельные луки, полученным в результате новейших раскопок грунтового могильника К1. Каур. В отличие от предыдущих орнаментальных образцов, декор костяных пластин — дискретный. Можно лишь предполагать составление этих пластин в замкнутую фигуру на декорируемом предмете. Правда, такие конструкции *in situ* пока не были обнаружены.

Автохтонный по своему происхождению орнамент на костяных накладках представлен двумя типами — «кольцевидный» и «ионийская волна» (т.е. спирально соединённые кольцевидные фигуры). Анализ составляющих циркульный орнамент деталей позволил утверждать о копировании местными мастерами более ранних (X в.) образцов этого орнамента на костяных накладках [8, с. 291]. Субтильный характер костяных накладок могильника К1.Каур позволяет предполагать парадный, точнее — ритуальный характер сёдел, которые эти накладки украшали. Кольцевидный орнамент (рис. 8), их украшавший, употреблялся прусскими мастерами как ввиду простоты своего исполнения при помощи простейшего циркуля, так и, вероятно, ввиду традиционно сакрального своего значения как многократного повторения солярного (астрального) символа. Важно отметить, что такой декор использовался ещё эстиями, предками пруссов, в римское время (см. выше), а также был распространён в раннесредневековой Восточной Европе.

Типологически к кольцевидному орнаменту восходит декор в виде «ионической волны» [косицеобразный орнамент — 8, с. 287], характерный для европейских мастеров-декораторов ещё с эпохи греческой архаики. Различное качество этого декора на накладках из могильника К1. Каур (рис. 9) свидетельствует о применении его мастерами с различной степенью профессиональной подготовки. Несмотря на проблематичность культовой семантики этого типа декора, в целом орнаментированные накладки должны были придавать сёдлам знатных прусских торговцев и ремесленников дополнительную мистическую защиту [8, с. 291].

Свастикаобразно переплетённые декоративные полосы, составляющие третий тип декора, встреченный на костяных накладках из могильника К1.Каур, восходит к скандинавскому декоративному стилю *Mammen* [8, рис. 6] и в тематику настоящей статьи не входит.

Наиболее поздняя версия прусского непрерывного декора, известная из археологических источников, связана с поясами населения, обитавшего в Янтарном крае в начале эпохи средневековья.

«Самбийские» пояса, входившие в состав женского убора эстиев римского времени, декорировались как отдельными ажурными накладками в технике *opus interrasile*, так и ладьевидными накладками [9, рис. 25,7]. Эти накладки, имеющие вид фигуры типа *Kegelkönig*, как и практически синхронные изображения этого типа на обкладках питьевых рогов, были связаны с культом Бога-Громовника (см. выше), исполняя для владелицы пояса охранительную функцию

Позже, в эпоху Меровингов, южные соседи пруссов — полиэтничные обитатели западной части Мазурского Поозерья, используя византийские образцы (в том числе — крестовидные христианские фигуры, исполнявшие функцию оберегов) [10, с. 100], изготавливали престижные по своему виду пояса с ажурными накладками, составлявшими единую непрерывную композицию (рис. 10). На рубеже VII—VIII вв. такие пояса, являвшиеся социальным маркером и одновременно оберегом, в виде, очевидно, военных трофеев попадают к пруссам [10, с. 101], но в их обиходе не реплицируются.

Как упомянутые выше варианты поясов различных исторических эпох, пояса пруссов раннеорденского времени (рис. 11) восходили к иноземным образцам, в частности — имитировали рыцарские пояса [11, с. 150]. Как и упомянутые выше мазурские пояса завершающей фазы эпохи Великого переселения народов (эпохи

¹ «Король кеглей» — так прусские археологи именовали балюстрадавидный басменный декор [5, с. 34].

Меровингов), прусские пояса XIV в. были украшены накладками с христианским апотропейоном — крестом. Правда, на некоторых поясах к этому общеевропейскому оберегу добавлялись и изображения западнобалтских берегов (в частности — жертвенного животного Бога Перкуно — козла — **рис. 11**).

Семантически важное значение пояса для носителей прусской культуры зафиксировано в материалах прусской исторической этнографии. В рукописи прусского краеведа Маттеуса Преториуса (1657 г.), упоминалось о том, что мужчины-пруссы вешали свои пояса на ветви священных деревьев, а женщины вешали туда свое наплечные покрывала [12, с. 51]. Не исключено, что тем самым пруссы «напитывали» важнейшие детали своего убора мистической силой.

Тканые пояски, известные в материальной культуре потомков пруссов в XIX—XX вв., обладают различными версиями линейного орнамента. Однако ритуальный (охранительный) характер этого этнографического материала нуждается в дополнительном исследовании.

Итак, представленный в статье очерк истории развития орнаментальной полосы в искусстве населения Янтарного берега в I тысячелетии н.э. позволяет сделать следующие выводы:

1. Непрерывные орнаментальные полосы появляются на керамике населения Самбии в раннем железном веке. Будучи представленными на погребальной керамике, эти полосы обладали функцией мистических оберегов, существовавших на прусских сосудах до VI в. н.э.

2. Вторым вариантом непрерывных декоративных полос в искусстве эстиев и пруссов являлись пояса. Их орнамент был представлен сначала кеглеобразными накладными фигурами, позднее, в раннеорденское время — накладками с крестообразным и растительным орнаментами. Охранительное значение данных непрерывных полос орнаментов несомненно и сохраняется в исторической Пруссии вплоть до Нового времени.

3. Непрерывный характер костяных накладок на луки прусских сёдел X—XI вв. проблематичен. Однако солярный и косицеобразный формы декора, представленного на данных накладках, вполне возможно, выполняли охранные функции.

4. Непрерывные орнаментальные полосы, реализованные на керамике и поясах эстиев римского времени и на поясах раннесредневековых пруссов, по замыслу их изготовителей должны были осуществлять замкнутую мистическую защиту своих владельцев. Если упомянутые полосы на местной керамике имеют автохтонное происхождение, то пояса на всём протяжении I тысячелетия н.э. были для местного населения результатом внешнего культурно-этнического влияния.

Рис. 1. Сосуд и его орнамент из могильника Corjeiten [25, Abb. 126,a,b,e]

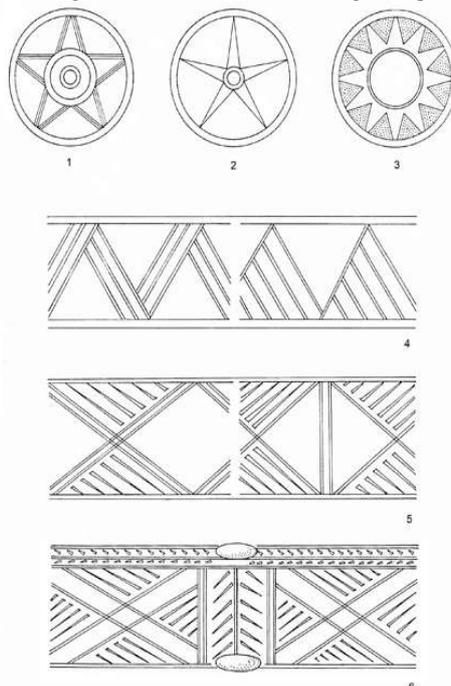

Рис. 2. Типология зонального орнамента в декоративном искусстве эстиев позднеримского периода: 1-3 — схемы композиции блока I: 1 — крышка урны из могильника Ellerhaus, 2 — схема «звезды» на матрице из раскопа VIII могильника

Hünenberg, 3 — схема «звезды» на умбоне из могильника Alt-Muntowen, 4 — схема декора типа I.1, 5 — схема декора типа I.2, 6 — схема декора блока II [2, рис. 19]

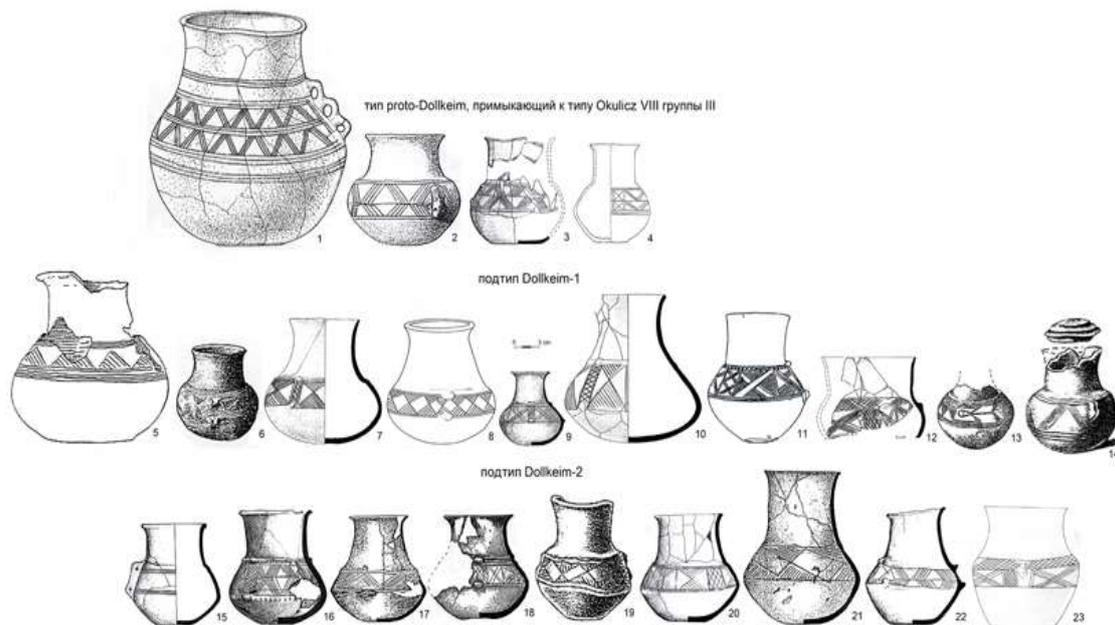

Рис. 3. Зональный орнамент на сосудах типа Dollkeim / Коврово 1 — H-51k; 2 — Kl.-Fl-[3]; 3 — L-55; 4 — Wi-4; 5 — Wi-23; 6 — Grei-25a; 7 — Do-306; 8 — Do-59; 9 — Do-254; 10 — H-37k; 11 — H-59k; 12 — H-95; 13 — War-38; 14 — Ros-F; 15 — L-262; 16 — L-152; 17 — Do-252; 18 — Do-12k; 19 — Te-25; 20 — L-25; 20 — L-253; 22 — L-28; 23 — G-52 [1 — 14; 2 — 15, рис. 18, 9; 3, 20, 22 — 16, Taf. 67, 3; 30, 1; Taf. 34, 3; 4 — 17, Abb. 23; 5 — 17, Abb. 23, 7; 6 — 18, Taf. XX, 10; 7, 9, 17, 18 — 19, рис. 103, № 7, рис. 11, 9, рис. 8,6; 8 — 9, рис. 40,4; 11 — 20, 11 — 21, рис. 6, 7; 12 — 22, рис. 45,5(1); 13 — 23, Taf. 69,4; 14, 19 — 24, Taf. VI,3, Taf. I, II; 15, 20 — 27; 16 — 26; 18 — 28; 23 — 29, рис. 8, 6]

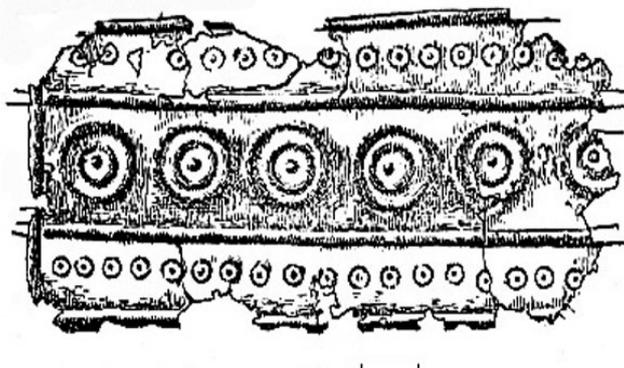

Рис. 4. Фрагмент обкладки рога (?) из могильника Fürstenwalde/Поддубное [13, Abb. 135,d]

Рис. 5. Динамика изменения декора на металлических обкладках устья рогов III—VI вв. 1 — погр. 54 Plinkaigalis; 2 — кург. 5 Taurapilis; 3 — Siliņa (Latvija); 4 — погр. 332 Plinkaigalis; 5 — погр. 39 Rubocken / Rubokai; 6 — погр. 61 Plinkaigalis [3, рис. 2]

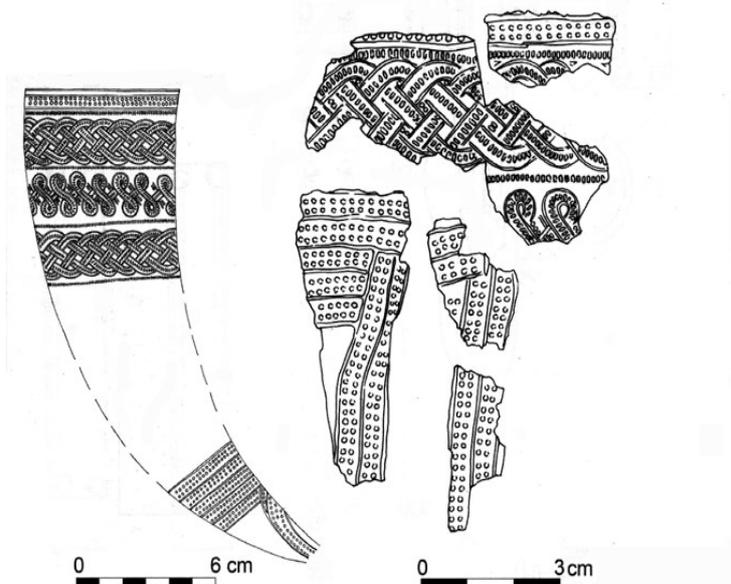

Рис. 6. Фрагменты (справа) и реконструкция (слева) питьевого рога из погр. Now-85 могильника Neuendorf / Nowinka [4, рис. 5, 14, 14a]

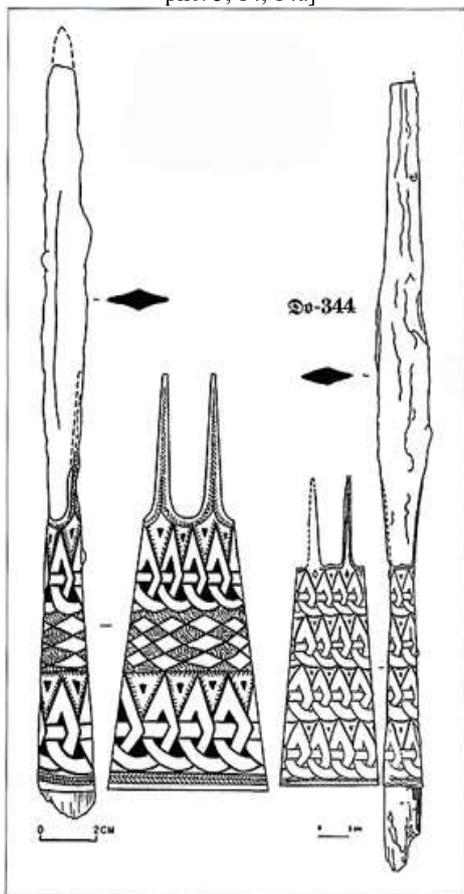

Рис. 7. Наконечники копий из погр. Do-344 могильника Dollkeim / Коврово [19, рис. 197]

Рис. 8. Циркульный орнамент на резной кости: 1 — гребень из поселения Korallen Berge (Süd), 2 — фрагмент накладки гребня из Р. 7, № 158 могильника К1. Каур, 3 — накладка из погр. К39, № 59 могильника К1. Каур, 4 — накладка из погр. К70, № 5 могильника К1. Каур, 5 — накладка из погр. К34, № 5 могильника К1. Каур [1 — 30, рис. 8,1; 2—5 — 31, рис. 30, 43, 110]

Рис. 9. Плетёный орнамент на резной кости: 1 — накладка из погр. К34 могильника К1. Каур, 2 — накладка из погр. К39 могильника К1. Каур, 3 — накладка из погр. К44, № 53 могильника К1. Каур, 4 — накладка из погр. К70, № 8 могильника К1. Каур, 5 — накладка из погр. К34, № 39 могильника К1. Каур (1—5 — 31, рис. 30, 43, 110)

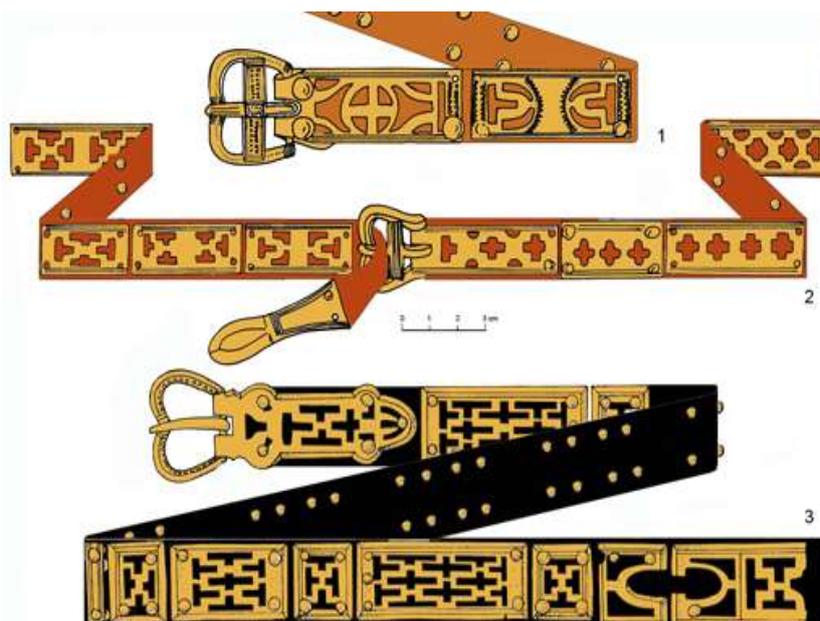

Рис. 10. Графические реконструкции мазурских поясных наборов с прорезным декором: 1 — погр. 49 Daumen / Tumiany; 2 — погр. 149 Daumen / Tumiany; 3 — погр. 28 Lenzenberg / Łęcze [10, рис. 7]

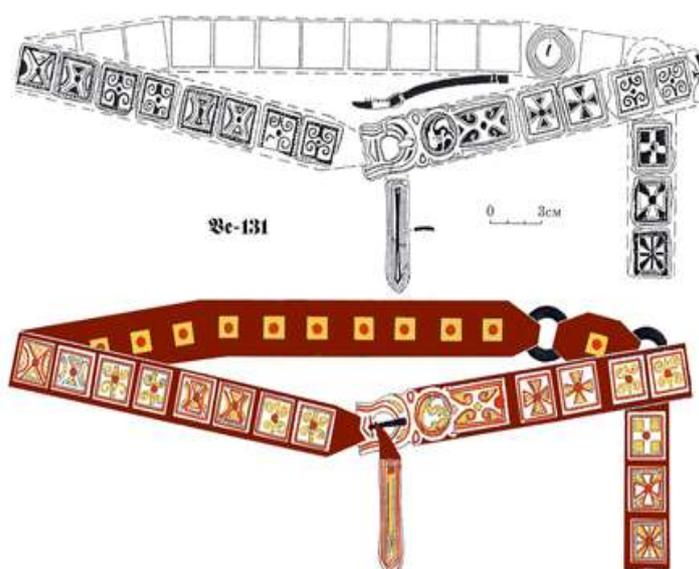

Рис. 11. Пояс из погр. Ve-131 могильника Alt-Wehlau/Прудовка: 1 — рисунок накладок после расчистки; 2 — реконструкция пояса [11, рис. 2]

1. Кулаков В.И. Стилистика и символика прусского орнамента I—XI вв. // *Senovės baltų kultūra*. Vol. 6. Vilnius: Mintis, 2002. P. 248-273.
2. Кулаков В.И. Зональный орнамент на сосудах малых форм из могильников Янтарного берега // *20 lat archeologii w Masłomęczu*. Т. II. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1998. P. 92-118.
3. Кулаков В.И. Питьевые рога балтов с декорированными деталями // *Исторический формат*. 2017. № 1-2. С. 127-150.
4. Кулаков В.И. Басма в искусстве балтов // *Res Humanitariae*. Vol. XXII. Klaipėda: Klaipėdos Universytas, 2017. С. 104-124.
5. Ehrlich B. Schwerter mit silberbeschalenen Schweide aus Benkenstein, Kr. Elbing, und einige west- und ostpreußische Vergleichstücke // *Prussia*, Bd. 29. Königsberg: Selbstverlag der Gesellschaft "Prussia", Kommissionsverlag bei Gräfe und Unzer, 1931. S. 16-46.
6. Kazakevičius V. Letigalis sidabrų inkrustuota įmova is Vilkijos // *Archaeologia Lituana*. Т. 3. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2002. P. 104-120.
7. Кулаков В.И. Прусская чеканка по серебру в XI—XIV вв. // *Stratum plus*. № 5. СПб.-Кишинёв-Одесса-Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2017. С. 247-256.
8. Кулаков В.И. Резная кость могильника Малый Кауп // *Гістарычна-археалогічны зборнік*. Вып. 30. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2015. С. 284-292.
9. Кулаков В.И. Доллькайм—Коврово. Исследования 1879 г. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2004. 135 с.
10. Кулаков В.И. Поясные наборы с прорезным декором в древностях аристократии западных балтов VII в. // *Stratum plus*. № 5. СПб.-Одесса-Кишинёв-Бухарест: Высшая Антропологическая школа, 2018. С. 93-103.

11. Кулаков В.И. Пруссские пояса орденского времени // Genesis: исторические исследования. № 1. М., 2017. С. 147-158.
12. Gaerte W. Volksglaube und Brauchtum Ostpreussens. Beiträge zur vergleichenden Volkskunde (Marburger Ostforschungen, Bd. 5). Würzburg: Holzner, 1956. 217 s.
13. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1929. 217 s.
14. Архив ИА РАН. Ф. 1. Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1997 г. № 21063.
15. Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М.: «Индрик», 2003. 364 с.
16. Skworzov K. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'schoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus dem Grabungen 1998 und 1999 // Offa, Bd. 61/62, 2004/05, Neumünster: Wachholtz Verlag, 2007. S. 111-219.
17. Raddatz K. Der Wolka-See, ein Opferplatz der Römischen Kaiserzeit in Ostpreußen // Offa, Bd. 49/50, Neumünster: Wachholtz Verlag, 1992/1993. S. 127-187.
18. Tischler O., Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg: In Kommission bei Wilh. Koch, 1902. 156 s.
19. Кулаков В.И. Доллякайм—Коврово. Исследования 1992—2002 гг., Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2007. 335 с.
20. Архив ИА РАН. Ф. 1. Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1993 г. № 17585.
21. Кулаков В.И. «Варварские» подражания провинциально-римским фибулам с «кнопками» в Балтии на фазах C1-D1 // Archaeologia Lituana. Vol. 7. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2006. P. 66-79.
22. Кулаков В.И. Hünenberg — «Гора Великанов». Могилиник III—IV вв. на севере Самбии // Światowit Supplement Series B: Barbaricum. Tom 10. Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2014. С. 199-363.
23. Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg-Warszawa: AS Druk, 1996. 170 s.
24. Berendt G. Zwei Gräberfelder in Natangen und zwar Tengen bei Brandenburg und Rosenau bei Königsberg // SPÖG. Bd. 14. Königsberg: In Commission-Verlag, S. 91-112.
25. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1874. 406 s.
26. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Сворцов К.Н. Отчёт по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2004 г. № 25797.
27. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Сворцов К.Н. Отчёт по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2003 г. № 25796.
28. Архив ИА РАН. Ф. 1. Кулаков В.И. Отчет о работах Балтийской экспедиции в 2002 г. на грунтовом могильнике Доллякайм—Коврово. № 22943.
29. Кулаков В.И. Гребитен: новые данные о старых раскопках // Университетский научный журнал. 2016. № 20. С. 15-27.
30. Кулаков В.И. Коралленберге (Хвойное). Стратиграфия и хронология раннесредневекового поселения в Калининградской области // Российская археология. 2013. № 2. С. 142-152.
31. Кулаков В.И. Прусы эпохи викингов. Жизнь и быт общины Каупа. М.: «Книжный мир», 2016. 346 с.

References

1. Kulakov V.I. Stilistika i simbolika prusskogo ornamenta I—XI vv. [Stylistics and symbolism of Prussian Ornament of I-XI centuries]. Senovės baltų kultūra, 2002, vol. 6, pp. 248-273.
2. Kulakov V.I. Zonal'nyy ornament na sosudakh malykh form iz mogil'nikov Yantarnogo berega [Zonal ornament on the small vessels the burials of the Amber Bank]. 20 lat archeologii w Masłomęczu, 1998, vol. II, pp. 92-118.
3. Kulakov V.I. Pit'evye roga baltov s dekorirovannymi detal'yami [Baltic drinking horns with decorated details]. Istoricheskiy format, 2017, no. 1-2, pp. 127-150.
4. Kulakov V.I. Basma v iskusstve baltov [Baysa in the art of the Balts]. Res Humanitariae, 2017, vol. XXII, pp. 104-124.
5. Ehrich B. Schwerter mit silberbeschalenen Schweide aus Benkenstein, Kr. Elbing, und einige west- und ostpreussische Vergleichstücke. Prussia, Bd. 29. Königsberg: Selbstverlag der Gesellschaft "Prussia", Kommissionsverlag bei Gräfe und Unzer, 1931, pp. 16-46.
6. Kazakevičius V. Letigalis sidabrų inkruosuta jmoiva is Vilkijos. Archaeologia Lituana, 2002, vol. 3, pp. 104-120.
7. Kulakov V.I. Prusskaya chekanka po serebru v XI—XIV vv. [Woven ornament in Prussians antiquities]. Stratum plus, 2017, no. 5, pp. 247-256.
8. Kulakov V.I. Reznaya kost' mogil'nika Malyy Kaup [Carved bone of a burial ground Small Kaup]. Gistarychna-arkheologichny zbornik, 2015, iss. 30, pp. 284-292.
9. Kulakov V.I. Doll'kaym—Kovrovo. Issledovaniya 1879 g. [Dollkaym-Kovrovo. Research 1879]. Minsk, 2004. 135 p.
10. Kulakov V.I. Pojasnye nabory s proreznym dekorom v drevnostyakh aristokratii zapadnykh baltov VII v. [Belt Sets with an Openwork Decor in the Western Baltic Aristocratic Antiquities of the 7 th Century]. Stratum plus, 2018, no. 5, pp. 93-103.
11. Kulakov V.I. Prusskie poyasa ordenskogo vremeni [Prussian belts of the early Medieval era]. Genesis: istoricheskie issledovaniya, 2017, no. 1, pp. 147-158.
12. Gaerte W. Volksglaube und Brauchtum Ostpreussens. Beiträge zur vergleichenden Volkskunde (Marburger Ostforschungen, Bd. 5). Würzburg, Holzner, 1956. 217 p.
13. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, Gräfe und Unzer Verlag, 1929. 217 p.
14. Arkhiv IA RAN. F. 1. Kulakov V.I. Otchet o rabote Baltiyskoy ekspeditsii v 1997 g., no. 21063 [Archive of the IA RAS. F. 1. Kulakov V.I. Report on the Baltic Expedition in 1997, no. 21063].
15. Kulakov V.I. Istoriya Prussii do 1283 g. [History of Prussia up to 1283]. Moscow, 2003. 364 p.
16. Skworzov K. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'schoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus dem Grabungen 1998 und 1999. Offa, Bd. 61/62, 2004/05, Neumünster, Wachholtz Verlag, 2007, pp. 111-219.
17. Raddatz K. Der Wolka-See, ein Opferplatz der Römischen Kaiserzeit in Ostpreußen. Offa, Bd. 49/50, Neumünster, Wachholtz Verlag, 1992/1993, pp. 127-187.
18. Tischler O., Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg, In Kommission bei Wilh. Koch, 1902. 156 p.
19. Kulakov V.I. Doll'kaym—Kovrovo. Issledovaniya 1992—2002 gg. [Dollkaym-Kovrovo. 1992—2002]. Minsk, 2007. 335 p.
20. Arkhiv IA RAN. F. 1. Kulakov V.I. Otchet o rabote Baltiyskoy ekspeditsii v 1993 g., no. 17585 [Archive of the IA RAS. F. 1. Kulakov V.I. Report on the Baltic Expedition in 1993, no. 17585].
21. Kulakov V.I. "Varvarskie" podrazhaniya provintsial'no-rimskim fibulam s "knopkami" v Baltii na fazakh C1-D1 ['Barbarous' imitations the provincial-Roman fibulae with 'buttons' on phases C1 and D1]. Archaeologia Lituana. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2006, vol. 7, p. 66-79.
22. Kulakov V.I. Hünenberg — "Gora Velikanov". Mogil'nik III—IV vv. na severe Sambii [Hünenberg — 'Big mountain'. A cemetery of III-IV centuries in the north of Sambia]. Światowit Supplement Series B: Barbaricum, 2014, vol. 10, pp. 199-363.
23. Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg-Warszawa, 1996. 170 p.

24. Berendt G. Zwei Gräberfelder in Natangen und zwar Tengen bei Brandenburg und Rosenau bei Königsberg. SPÖG, Bd. 14. Königsberg, In Comission-Verlag, pp. 91-112.
25. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg, Gräfe und Unzer Verlag, 1874. 406 p.
26. Arkhiv IA RAN. F. 1. R. 1. Skvortsov K.N. Otchet po okhrannym raskopkam gruntovogo mogil'nika Laut-B. Isakovo Sambiysko-Natangiyskoy arkheologicheskoy ekspeditsiy v 2004 g., no. 25 797 [Archive of IA RAS. F. 1, R. 1. Skvortsov K.N. Report on rescue excavations conducted by Sambia-Natangian archaeological expedition at burial ground B. Isakovo-Lauth in 2004, no. 25 797].
27. Arkhiv IA RAN. F. 1. R. 1. Skvortsov K.N. Otchet po okhrannym raskopkam gruntovogo mogil'nika Laut-B. Isakovo Sambiysko-Natangiyskoy arkheologicheskoy ekspeditsiy v 2003 g., no. 25 796 [Archive of IA RAS. F. 1, R. 1. Skvortsov K.N. Report on rescue excavations conducted by Sambia-Natangian archaeological expedition at burial ground B. Isakovo-Lauth in 2003, no. 25 796].
28. Arkhiv IA RAN. F. 1. Kulakov V.I. Otchet o rabotakh Baltiyskoy ekspeditsii v 2002 g. na gruntovom mogil'nike Doll'kaym—Kovrovo, no. 22 943 [Kulakov V.I. Report on work performed of the Baltic Expedition in 2002 at the Dollkaym-Kovrovo earth burial site, no. 22 943].
29. Kulakov V.I. Grebiten: novye dannye o starykh raskopkakh [Greibiten: new data on old excavations]. Universitetskiy nauchnyy zhurnal, 2016, no. 20, pp. 15-27.
30. Kulakov V.I. Korallenberge (Khvoynoe). Stratigrafiya i khronologiya rannesrednevekovogo poseleniya v Kaliningradskoy oblasti [Korallenberge (Chvoynoye). Stratigraphy and chronology of the early middle-ages settlement in Kaliningrad region]. Rossiyskaya arkheologiya, 2013, no. 2, pp. 142-152.
31. Kulakov V.I. Prussy epokhi vikingov. Zhizn' i byt obshchiny Kaupa [Old Prussians eras of Vikings. Life and life of a community of Kaup]. Moscow, 2016. 346 p.

Kulakov V.I. Ornamental stripes in the art of the population of the Amber Coast in the I—XIV centuries. One of the most important components of the culture of the ancient population of the southeastern Baltic — decorative art — remains the least studied by archaeologists and art historians to this day. The analysis of ornamental stripes in the art of the Aestians and Prussians, carried out in the article, made it possible to draw the following conclusions: 1) Continuous ornamental stripes appear on the pottery of the Sambia population in the early Iron Age. Being represented on burial ceramics, these bands had the function of mystical amulets that existed on Prussian vessels until the 6th century. AD; 2) The second variant of continuous decorative stripes in the art of the Aestians and Prussians were belts. The protective significance of these continuous stripes of ornaments is undoubtedly preserved in historical Prussia right up to modern times; 3) The continuous nature of the bone onlays on the bows of the Prussian saddles of the X—XI centuries appears to be problematic. However, the solar and braid-like forms of the decor presented on these overlays, quite possibly, performed security functions. Continuous ornamental stripes, realized on the ceramics and belts of the Aestians of the Roman time and on the belts of the early medieval Prussians, according to the plan of their manufacturers, were supposed to provide a closed mystical protection of their owners.

Keywords: Baltics, estates, Prussians, decorative arts.

Сведения об авторе. Кулаков Владимир Иванович — доктор исторических наук (археология — 07.00.06); Институт археологии РАН; ORCID: 0000-0001-7482-5070; drkulakov@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.08.2020. Принята к публикации 25.08.2020.